ОБСУЖДЕНИЕ ИТОГОВ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ ТЕАТРА ЗА 1940 И ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 1941 ГОДА

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ АКТЕРСКОГО ЦЕХА

ПОДНЯТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОЛЛЕКТИВА

Г. И. ШАГАЕВ (Комитет по делам искусств)

Большие задачи, стоящие перед союзным советским театром, требуют особенно большой творческой ответственности. Театры союзного подчинения являются вышками театрального искусства в нашем Союзе, театры эти должны оказывать огромное влияние на всю театральную жизнь страны.

Вот под углом зрения этих требований нам и надо рассматривать деятельность театра Вахтангова, как театра союзного подчинения.

К великому сожалению, последний (1940) год работы является наименее неудачным, и театр он в какой мере не выполнил тех задач, которые на него возложены.

К каким результатам за 1940 г. пришел театр Вахтангова? из 4-х пьес фактически в репертуаре осталась одна пьеса—«Фельдмаршал Кутузов», или две пьесы, если считать «Перед заходом солнца» постановкой 1940 г. В чем же здесь дело? Что же мешает театру Вахтангова быть ведущим театром?

Анализируя работу за истекший период, я хочу указать на основной недостаток — отсутствие элементарной организованности в театре, элементарной советской организованности, которой нас учат партия и правительство. Решения XVIII партийной конференции прошли мимо театра.

Катастрофически обстоит дело по линии планирования производства.

Неправильно распределяются роли, есть ошибки в распределении режиссуры, художников и т. д.

Мне кажется, что в театре отсутствует принципиальная линия. Это идет и по линии репертуара, и по линии самих спектаклей. Театр часто ставит спектакль, когда он сам не верит в этот спектакль. Он знает, что это плохо и все-таки ставит этот спектакль. Разве это принципиально? Разве это по-вахтанговски?

Репертуар. Мы знаем все трудности, которые существуют по линии советского репертуара, но мы прекрасно знаем, что театр Вахтангова умел бороться за советскую пьесу. За последнее время театр Вахтангова разучился бороться за нее. С советской пьесой плохо, но почему плохо с классическим репертуаром? Почему нет плана выпуска классической пьесы? Почему только сейчас гадается, какие пьесы пойдут?

Нельзя же все сваливать на те трудности, которые существуют в области советской пьесы. Давайте преодолевать эти трудности, давайте бороться за советские пьесы, давайте составим трехлетний план выпуска классического репертуара и будем готовить его исподволь.

В театре потеряно чувство ответственности. Коллектив считает, что отвечает только руководство, и большинство коллектива самоустранилось от ответственности за предприятие, в котором они работают.

Эту общественную ответственность и нужно в театре поднять. В каретном прошлого далеко не уедешь. Театр имеет большие заслуги перед советским театром, но одними прошлыми прожить невозможно. Нужно создавать новые ценности, и театр умеет их создавать. А в последнее время чувствуется огромная самоуспокоенность. Я не вижу горящих глаз в театре, я не вижу, чтобы кто-нибудь из руководства зажигал коллектив творческим горением. В коллективе театра Вахтангова есть очень много хороших, искренних, честных советских работников, которые болеют о театре. Мы это чувствуем. Но что они делают для того, чтобы укрепить работу в театре?

Труппа Вахтангова сформирована неправильно. В труппе есть излишек актеров одного плана и нехватка другого. И все это знают. И все-таки, когда идет вопрос о каком-либо сокращении или изменении состава, то всегда выдвигаются причины не деловые, а причины, главным образом, от привычки: «этот работник работает столько-то лет с нами все связаны...» Лирика очень ценна, но не в такой дозе. Должен быть жесткий советский подход: есть люди, работники нужные и есть работники ненужные; есть работники хорошие и есть работники плохие. А нет такого деления, как правильно здесь указывали, — вахтанговцы и невахтанговцы. Это деление от лукавого.

Загрузка. При всей натяжке, о которой говорил т. Глазунов, труппа загружена на 60 проц., и то главным образом за счет работников 3-й и 4-й категорий. Они вам создают 60 проц.

А вы попробуйте проанализировать ваш состав по категориям, по положениям. Вот тогда вы увидите, какая у вас картина.

У вас был период, когда репетировалось 5 пьес. И какая загрузка была у актеров? Есть такие категории актеров, которые ни в одной из 5 пьес не были заняты. Полтора года актеры высшей категории обречены ничего не делать! Разве это нормально? Две актрисы в 5 пьесах имеют одну роль, две—по две роли. Из первой категории одна актриса ни одной роли не имеет, из второй категории две не имеют ни одной роли. Это же полная бездеятельность!

О дисциплине. Это просто страшно. Я получаю все ваши приказы и приказы последнего времени меня приводят в ужас. Дисциплина в вашем театре жикушная и борьбы за укрепление дисциплины нет.

Тов. Глазунов говорит, что у него руки опускаются. Я его понимаю, когда в течение 10 дней 12 нарушений таких, как опоздание на выхода на сцену. А какая борьба с этим? «На-вы». Вот, не подчиняется, разговаривают... А кого-нибудь уволили из театра за это время? Мы убеждаем людей, но когда убеждением ничего сделать нельзя, — мы действуем по советским законам. А здесь я не вижу действий. Я вижу, — простите меня, — гнилой либерализм. И до тех пор, пока руководство театра и т. Глазунов будут главноуговаривающими, ничего из этого дела не получится.

Мне кажется, что в этом году неудача, главным образом, об'ясняется тем, что Рубен Николаевич был оторван от коллектива. Художественный руководитель не должен работать где-либо на стороне. Это мое глубокое убеждение.

Отложий промысел художественного руководителя — порочная вещь.

Комитет по делам искусств должен принять на себя долю вины, что он командирует Рубена Николаевича на работу в другой театр. Во всяком случае, в дальнейшем нужно избегать этого.

Еще несколько последних слов — это относительно сосоревнования. Во всех наших театрах последний год очень развито соцсоревнование. В театре Вахтангова забыли вообще, что существует такая форма пол'ема работы.

Я должен здесь указать, товарищи, и на неудовлетворительность работы газеты «Вахтанговец». Газета «Вахтанговец» недостаточно реагирует на те недостатки, которые существуют в коллективе, недостаточно с ними борется. Я думаю, что газета «Вахтанговец» должна здесь сыграть значительную роль.

Год прошел плохо, но нет никаких оснований театру, который обладает большой культурой, большими возможностями, падать духом. Нужно перестраиваться на ходу. Но усиленно перестроиться на ходу — безусловно будете биты жизнью, и очень сильно.

Нашно же, товарищи, об'яснять и бороться здесь по-дон-кихотовски с какими-то несуществующими врагами. Говорят общественного резонанса нет, потому что в нам плохо относится печать или Комитет и т. д., это неверно: поставите хороший спектакль, и все будут хвалить. Так давайте лучше будем бороться с недостатками, а не искать несуществующих врагов!

На собрании актерского цеха.

ЗА ПОДЛИННУЮ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ САМОКРИТИКУ

К. Я. МИРОНОВ

Я позволю себе сделать очень небольшой экскурс в историю театра и только для того, чтобы установить подход к критериям, на основе которых нужно разбирать нашу продукцию.

Мы стали на определенном этапе театром союзного значения. Что этому предшествовало? Мы стали театром союзного значения не после того, как мы поставили «Турандот» и «Чудо св. Антония», хотя эти спектакли явились фактическим наследием Е. Б. Вахтангова. Мы сделали «Воровство», «Барсуки», «Разлом», «Егор Булычев», «Интервенцию». Вот эти спектакли, которые поднял театр до союзного значения!

Значило ли это, что наш театр стал союзным, потому что мастерство актеров или мастерство режиссеров театра Вахтангова сравнялось с мастерством актеров Малого театра, имеющего столетнюю культуру, или с мастерством Художественного театра, имеющего 45-летнюю культуру, или это значило что-нибудь другое?

Да, конечно не по уровню мастерства наш театр стал союзным театром. Дело в том, что мы были молодым, воинствующим, боевым театром, чутко относящимся к жизни страны. Наши спектакли отвечали потребности сегодняшних запросов, в этом отношении мы были даже впереди Малого театра и МХАТ, — в по мастерству, а по идейной направленности наш коллектив был чрезвычайно чуток, и мы горели, мы жили вместе со зрителями со сцены, вместе с народом теми спектаклями, которые мы работали, и поэтому эти спектакли получали такую оценку во вне, и поэтому они об'единяли коллектив.

К сожалению, мы не удержали завоеванных позиций и с определенного этапа театр, поняв свое положение так, что теперь мы можем конкурировать в области мастерства с Малым театром, с МХАТ, на себе право кататься в «академии».

Почему я сделал этот экскурс? Потому, что основным недостатком в работе нашего театра в последние два года является именно идейная направленность. Мы не так работаем, не теми идеями увлекаемся.

Что сейчас переживает наша страна, перед какими трудностями наша страна находится, какие события происходят в мире, какие в связи с этим задачи стоят перед работниками искусства?

Мы должны показывать героизм, отвагу, мужество, патриотизм, любовь к родине. Мы должны показывать хорошее, красивое в людях, должны показывать прекрасные чувства, любовь, поэтическую чистоту, должны бороться со всем противоположным. Вот с этих позиций позвольте мне расценить этот репертуар, который подлежит нашему отчету за эти полтора года, за 1940 и начало 1941 года.

Все перечисленные спектакли — «Виринея», «Разлом», «Человек с ружьем», «Егор Булычев», «Интервенция» — отвечали этому, они были победой театра.

Подходя строго: и с точки зрения идейной целеустремленности, и с точки зрения глубокого вскрытия произведения, и с точки зрения единства формы и содержания и уровня актерского исполнения, у нас за отчетный период настоящих побед нет.

По важнейшим критериям является идейная целеустремленность и с этой точки зрения наибольшую ценность среди наших работ имеет «Кутузов», потому что «Кутузов» идейно-целеустремленный спектакль.

Я не хочу закрывать глаза на недостатки этого спектакля. Там нет достаточной проработки образа, там можно спорить по линии вкуса, есть отдельные формалистические элементы, но это победа театра. «Учитель» — это пьеса, которую театр правильно выбрал, она имеет верные идейные установки, но там идея не раскрыта в образах, и в этом беда спектакля. Поэтому этот спектакль не является победой.

Следующая работа — это Гаутман. Идейная установка Гаутмана, конечно, не вредна.

Но давайте оценим его идейную сторону. За что я должен сочувствовать Клаузену? Я могу Клаузена жалеть за то, что он находится в буржуазной среде, за то, что его ставят в ужасное положение его семья, за то, что ему не дают соединиться с любимой девушкой, но какими идеями Клаузена я должен сочувствовать? В чем эта идея? Этого в спектакле нет. Поэтому сочувствовать его борьбе я не могу.

«Дон-Кихот» тоже не явился победой театра—театр не учел недостатков инсценировки, и герой оказался в отрыве от причин, побудивших его к борьбе с окружающим злом.

Теперь о самокритике. Параллельно со спадом идейной стоимости нашей продукции, идет снижение профессионального творческого уровня. Почему же это происходит? Потому что у нас в театре отсутствует самокритика.

Смотрите, что происходит: выпускается спектакль «Кутузов». Спектакль оценивается в советской печати, оценивается зрителем и никак не оценивается театром. Что же благодаря этому получается? Получается то, что талантливый, нужный нам режиссер Охлопков сделал в этом спектакле большое количество ошибок, недостаточно работал с актерами, потерял по линии вкуса, допустил много формальных моментов. И что же—мы не обсудили спектакль. Он повторит эти ошибки в следующем спектакле. И, как правило, в таких случаях работники снижают свой творческий уровень.

Б. Е. Захава поставил в театре прекрасный спектакль «Булычев», но простит мне Борис Евгеньевич. «Ревизор» поставлен ниже по уровню режиссерской работы, а «Учитель»—еще хуже. Виноват в этом Захава? Нет, виноваты мы, потому что мы не обсуждали спектакли. Ведь мы бы могли вскрыть недостатки, а так Захава, наверное, считает, что все хорошо. Поэтому, Захава ни одной из этих работ до «Булычева» не дотянул. Давайте помогать своим товарищам, потому что от критики деловой люди растут!

То же самое можно сказать и об отдельных актерах. Они творчески не растут, а опускаются, но никто им не говорит, и это вредит и им и театру. Разве можно сказать, что Горемов не снизился после «Интервенции»? Снизился. Отчего? От отсутствия самокритики. Мы не расцениваем, не обсуждаем работы—и страшно сказать—потому что обижаются товарищи!

Надо встать на твердые позиции деловой критики.

Совершенно недостаточное внимание мы уделяли в течение последнего времени подготовке советского репертуара. Мы сели в важную позу в ожидании хорошей пьесы.

«Человек с ружьем» — пьеса, с которой Рубен Николаевич приступил к работе, не имела решительно ничего общего с тем вариантом, который вышел на сцену. Значит, театр провел огромную работу с автором. Из 12 картин было переделано 8! Театр умел работать с автором!

Наша задача — в ближайшее время взять две или три советских пьесы, причем признак их должен быть не тот, что они написаны советским автором, а чтобы они отвечали идейным установкам, которые от нас требуются.

Мы стоим накануне чрезвычайно важных моментов для нас — это, во-первых, смотр театров гор. Москвы, смотр, который для нас является чрезвычайно ответственным, и во-вторых—юбилей нашего театра.

И к смотру и к юбилею театр должен подойти во всеоружии, имея несколько полноценных советских спектаклей, отвечающих тем требованиям, которые ставят перед искусством партия и правительство.